

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

SERGEY SNEGOV
AMBASSADOR WITHOUT CREDENTIALS

Сергей Александрович Снегов
Посол без верительных грамот
Серия «Братья Рой и
Генрих Васильевы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69611992
Посол без верительных грамот / Сергей Снегов: СОЮЗ; Москва; 2023
ISBN 978-5-6050125-2-8

Аннотация

Братья Генрих и Рой Васильевы. Два космических детектива, специализирующихся на раскрытии мрачных тайн времени и пространства. Два ученых-физика исследующих загадочные явления в космосе и обществе, представляющие опасность для человека. Именно они изобрели радар, читающий мысли давно умерших людей, создали прибор, разыскивающий преступников и помогли человечеству найти разгадку ранее неизвестных явлений, при помощи своих гениальных изобретений.

В сборник вошли два произведения из цикла: «Братья Рой и Генрих Васильевы»:

«Посол без верительных грамот»

При полете на Марс потерпел крушения планетолет, на борту которого среди прочих находился и известный физик Генрих Васильев. Несколько человек погибли, Генриху удалось выжить,

но он получил серьезные травмы. С помощью специальных приборов, позволяющих перевести в открытую запись даже самые слабые мысли и видения, брат Генриха – Рой надеется выяснить причину катастрофы и найти виновных.

«Эксперимент профессора Брантинга»

К Рою и Генриху Васильевым обращается ассистент всемирно известного биолога Брантинга. Он предупреждает братьев о том, что профессор планирует совершить самое страшное преступление за всю историю человечества...

Содержание

Посол без верительных грамот	6
Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Снегов

Посол без верительных грамот

© Т.С. Ленская

© Е.С. Ленская

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

W W W . S O Y U Z . R U

Посол без верительных грамот

Глава первая Призраки в звездолёте

1

Рой спрыгнул, не дожидаясь остановки самодвижущегося трапа. Навстречу шел крупноголовый рыжий мужчина в форме звездолетчика. Рой много раз видел этого человека, Эраста Винклера, начальника звездопорта, во время телепередач с Марса. Страх, терзавший Роя все дни перелета, стал непереносим. Винклер слишком торопился, чрезмерно размахивал руками... Рой быстро проговорил:

– Скажите одно!..

– Жив, жив! Сегодня ему лучше! – ответил Винклер. – Разве вы не получили моей последней мыслеграммы, друг Рой?

Рой вздохнул, провел рукой по лицу. На трапе показались операторы следственной бригады. Большинство впервые видело Марс. Если бы впереди не шагал подавленный несчастьем начальник, они выскакивали бы наружу с изумленны-

ми восклицаниями, они шумно приветствовали бы новую в их жизни планету. Так и он когда-то выскакивал здесь из планетолета. Он был тогда в тяжелом скафандре, а не в легком комбинезоне, как эти, но и скафандр не мешал ему восторженно кричать, топтать ногами, метаться то вправо, то влево... Они вели себя куда сдержанней, они лишь молчаливо замирали на ступенях трапа, взволнованно осматривались.

Не отвечая Винклеру, Рой перевел взгляд с востока на юг и запад. Унылая, каменистая равнина, стертые плоскогорья. Столько раз он уже блуждал по этим однообразным полям, ничего нового не открывая, как бы далеко ни шел. Марс есть Марс, место не для жилья, перевалочная база космоса – так ее именуют в логиях, – унылый мир, не одаренный способностью к переменам, неудавшаяся модель, созданная и выброшенная природой. Что здесь искать? Чего бояться? Неожиданности на Марсе исключены – разве не так их учили в школах? Как же могла произойти катастрофа? Где угодно – на Земле, на Венере, на Плутоне, – но только не здесь!

– Он по-прежнему бредит, – сказал Винклер. – Его горячие видения я тоже передал по мыслепроводу.

Рой молча смотрел на Винклера. Рослый, рыжеволосый, рыжеглазый, с коричнево-золотистым лицом – венерианского, а не марсового загара, – в новенькой, очень нарядной форме, начальник звездопорта склонился в поклоне чуть более глубоком и чуть более длительном, чем принято, его ру-

копозатие было чуть более почтительным, чем следовало бы. Он чувствует себя виновным. Авария произошла в зоне действия тормозных механизмов планеты. Он обязан был остановить рушащийся корабль, вышвырнуть его обратно в космос, превратить, пока подоспеет помощь, в спутника планеты. Ничего этого он не сделал! Чепуха все это! Все было бы слишком просто, если бы вина лежала на Винклере. Не стоило лететь на Марс только для того, чтобы схватить за шиворот нерадивого межпланетного диспетчера.

Маленькое Солнце заливало красным сиянием невысокие холмики. Солнце тоже было какое-то равнодушное к этому неудавшемуся миру – не столько озаряло, а словно как бы отстранялось от него. Рой вспомнил стихи Андрея Корытина о Солнце: «Терзающее Венеру, взрывающее Меркурий, ты холодно поглядываешь на Марс, ты только поглядываешь на Марс – такое всегда не наше!» Андрей провел на Марсе восемь земных лет, и половины этого срока было бы достаточно, чтобы возненавидеть эту планету. При Андрее и сейчас нельзя говорить о Марсе, он мигом приходит в дурное настроение.

– И еще я передавал, друг Рой, что не разрешил что-либо менять на месте гибели планетолета. – Голос у Винклера потускнел, он был уверен, что следственная комиссия настроена против него.

«И я бы на его месте держался не лучше, – упрекнул себя Рой. – Его нужно успокоить. Пусть дает объяснения, а

не оправдывается». Рой опять оглянулся. Молодые операторы усердно разевали рты, искусственный марсианский воздух пахнул озоном, на Земле такой воздух бывал лишь после грозы.

– В прошлый мой прилет свободное дыхание было затруднено, – сказал Рой. – На прогулки мы захватывали кислородные аппараты. Сейчас можно обходиться без них.

– Мы запустили третий атмосферный завод. Он добавляет ежегодно несколько миллиардов тонн воздуха высших земных кондиций. С водой хуже, но и воды прибавляется. Кроме того, мы стали рассаживать созданное специально для Марса дерево калиопис.

– Значит, и зелень появилась?

– Мы говорим «красень»: растения здесь красноватые. Надеемся, что скоро зашумят леса.

– Марс всегда был планетой безмолвия. Андрей Коротин считал это единственной привлекательной чертой Марса.

– Думаю, что вскоре заговорят о марсианских бурях, уступающих лишь ураганам на Венере. Если вас интересуют наши метеорологические...

Рой жестом прервал Винклера:

– Я получил все ваши мыслеграммы. Мы еще поговорим о них. Ведите к брату.

Генрих лежал с закрытыми глазами, неподвижный, исхудавший, на бледном лице зловеще отчеркивались темные губы. Даже после гибели Альбины, когда Рой опасался за его жизнь и разум, Генрих не выглядел так страшно. Рой положил руку на грудь брата, стараясь уловить биение жизни в его теле. Рука была слишком слабым приемником, жизнь без усилителей не ощущалась. На самописце, висевшем у кровати, змеилась красная кривая суммарной жизненной функции больного; она была всего на три сантиметра выше черной полосы внизу – жизнь едва теплилась, она была в опасной близости от небытия.

– Двенадцать процентов нормального энергетического расхода, – сказал Винклер, заметивший взгляд, брошенный Роем на самописец. – В первые дни было три процента. Электронный медик определяет поворот на выздоровление.

– Глаза, – задумчиво сказал Рой. – Те дикие глаза... я говорю о видениях его бреда...

– Не только глаза. Вы ведь знаете, друг Рой, на планетах автоматические врачи не так совершенны, как медицинские механизмы на Земле. Боюсь, мы зафиксировали лишь часть болезненных картин, пронесившихся в мозгу вашего брата.

– И, вероятно, еще проносятся.

– Да, но, к сожалению, мы их не узнаем.

– Все узнаем. Я привез аппаратуру, позволяющую перевести в открытую запись мысли и видения даже самые слабые.

– Я очень рад! – с облегчением сказал Винклер. Он старался показать, что жаждет самого тщательного расследования.

Рой невольно поморщился. Люди остаются людьми, в какую служебную форму ни обряжаются, но имеются все же проблемы куда важнее чьей-то личной ответственности. Винклер уловил настроение Роя и быстро взял себя в руки: теперь он показывал выражением лица и спокойно-сдержанным голосом, что готов помогать комиссии с Земли, даже если выводы обратятся против него. Иного отношения Рой, впрочем, и не ждал.

Рой поднялся. Движение на космических трассах было остановлено. Каждая минута, потраченная не на исследование, была потерянной. К тому же он ничем не мог помочь Генриху. Но Рою пришлось сделать усилие, чтоб оторвать глаза от брата. Винклер сказал с сочувствием:

– В смысле лечения на нашего электронного врача можно положиться.

– Да, конечно. Тем более, что ничего другого нам не остается. Пойдемте, друг Винклер. – Рой все же не сумел заставить себя назвать начальника звездопорта по имени, как принято у работников космослужбы.

– На место катастрофы или посмотрите еще раз записи бреда?

– Начнем с записей, пока выгружают аппаратуру.

3

Мозг Генриха работал толчками, в нем изредка вспыхивали сумбурные видения – без системы, расплывчатые, нечто без начала и конца: летела птица, таких не было ни на Земле, ни на планетах; кружились туманные облачка, временами все пропадало в тумане; кто-то, возможно пилот, пробежал по салону корабля; в темных окнах посверкивали звезды, быстро уменьшалась Земля; она становилась из яркой крупной горошины светящейся точкой, одной из многих точек неба; на диване лежал второй пассажир, тоже с Земли, Василий Арчибальд Спенсер, астроботаник, он появлялся часто и все в той же позе – лежит закинув руки за голову, глаза устремлены в потолок, ординарнейшая внешность: средний рост, средний вес, невыразительное лицо, тусклые глаза. Генрих не присматривался к Спенсеру, он просто бросал на него равнодушные взгляды. И вдруг все менялось; какие бы образы ни наполняли в эту секунду мозг Генриха – салон ли, звезды, пробегающий пилот, второй пассажир, – все вдруг пропадало в огромных глазах, пронзительно засиявших на экране. Глаза неслись из экрана в зал, они полонили все клетки мозгового вещества Генриха, в его сумеречном сознании уже ничего не было, кроме беспощадных глаз, четырехугольных, исполинских, скорее прожекторов, чем лас-

ковых человеческих приемников внешнего света; и все-таки это были глаза, а не аппараты, память Генриха сохранила и ресницы, и взметенные в подбровные расщелины веки, и окраску радужной оболочки, и блеск роговицы, и зрачок. Нет, это были глаза, исступленно засверкавшие на чьем-то, сразу стершемся в тусклой серости лице – человеческие глаза...

Рой вздохнул. Всю неделю полета ему передавали с Марса такие же картины.

– Не густо, – словно извиняясь, сказал Винклер.

– Возможно, наша аппаратура добавит, – пробормотал Рой.

В зал вошел один из операторов.

– Мозговые излучения больного введены в приборы, улавливаются и основные волны и обертоны, – сказал он.

– Продублируйте запись сюда, – попросил Рой.

Но на экране повторились те же картины, многие были даже слабее прежних – больной мозг Генриха успокаивался, воспоминания теряли прежнюю лихорадочную яркость. Только одна картина была новой: Спенсер вдруг стал приподниматься на диване, лицо его исказилось, глаза выражали ужас – это была, вероятно, та минута, когда корабль, потерявший управление, стал рушиться на поверхность планеты и защитные поля Марса не сумели его затормозить. Новая картина не имела продолжения, она не развивалась, а прерывалась: Спенсер исчезал, пропадал салон и все, что в нем на-

ходило; в сгустившейся темноте появились все те же глаза, и опять ничего уже не было в сознании Генриха, кроме них.

– Между прочим, в видениях Генриха не сохранилось облика планеты, – сказал Винклер. – А ведь мы не только отчаянно генерировали тормозные поля, но пытались всей мощностью космических маяков пробудить в пилотах сознание приближающейся катастрофы... Пассажиры не могли не кинуться к окнам, не могли не увидеть, куда их несет.

– Вы хотите сказать, что внутри корабля разыгрались события, так потрясшие людей, что никто не взглянул на несущуюся навстречу планету?

– Я не сказал – никто. Я говорю о вашем брате. Пилоты и Спенсер мертвы, и мы никогда не узнаем, что они видели.

– Пойдем же все посмотрим, что совершалось внутри планетолета, когда стали отказывать его штурманские автоматы, – предложил Рой, поднимаясь с кресла.

У Винклера озадаченно взметнулись брови.

– Не понял, друг Рой. Наши стереокамеры зафиксировали все обстоятельства аварии. Впрочем, если нужно повторить снимки обломков...

– Ваши снимки мы повторять не будем. Внутренние стенки звездолета покрыты пленкой, сохраняющей изображения всего, что совершалось в нем. Каждый внутренний кусочек звездолета – история его полетов, галерея портретов побывавших в нем людей. Проявлять эти изображения можно лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Наш случай как раз

такой. И я запасся соответствующим разрешением.

– Впервые слышу о таких пленках, – признался Винклер.

– О них не распространяются. Фиксирующие пленки предназначены лишь для расследований несчастий.

4

Операторы продолжали монтировать аппаратуру: приборов было много, среди них и громоздкие. Остатки корабля покоились в выбитой звездолетом воронке, напоминающей небольшой кратер. Охваченные паникой работники звездопорта, когда защитные поля не подействовали, использовали последнее средство – взрывной выброс нейтрального газа: только это и предохранило гибнущий корабль от превращения в пыль. Винклер в те трагические секунды действовал быстро и грамотно. Рою это становилось все очевидней. И он уже раза два обратился к начальнику космопорта со словами: «Друг Эраст!»

В рубке, единственном помещении на корабле, где возник пожар, фиксирующая пленка была уничтожена. В отделении механиков и в каютах имелись уцелевшие участки стен, но на них была зафиксирована обычная жизнь корабля, ни одно проявленное изображение не могло быть отнесено к аварии.

– Посмотрим салон, – сказал Рой.

Операторы расположили свои приемники среди обломков корабля, Рой и Винклер надели оптические дешифраторы. В

общем, расшифровка пленки повторила картины болезненного сознания Генриха: в небольшом овальном помещении – два пассажира, единственные посторонние люди на небольшом грузовом корабле, обычно не берущем пассажиров. Рой увидел Генриха. Брат с любопытством смотрел в окно – звезды и приближающийся Марс интересовали его больше, чем сосед, он не оборачивался к Спенсеру. Так тянулись минуты, они казались нестерпимо долгими; двое в салоне молчали, один о чем-то думал, уставясь в потолок, другой всматривался в окно.

– Через пять секунд – начало катастрофы, – предупредил оператор, поворачивая голову от прибора.

Несчастье ворвалось внезапно изменившейся картиной салона. Генрих смятенно отпрянул от окна, где навстречу потерявшему управление планетолету уже летела его каменная могила. На диване, очень медленно для бешено убыстрившихся событий, приподнимался Спенсер; его губы свела судорога, он от чего-то отстранялся рукой... И тут же все стерлось в темной неразличимости, пленка на сохранившихся переборках не фиксировала больше предметов и людей; в черноте засияли те же сумасшедшие глаза, терзавшие Генриха в бреду: перехода от одного к другому не было. Рой подозвал оптика.

– Пленка-то сохранилась, а фиксации нет. Почему она не запечатлела и падение корабля?

– Запись вдруг обрывается, – ответил оптик. Он казался

смущенным.

Рой и без объяснений понял, что оптик озадачен. Вероятно, в его практике не было случая, когда бы фиксирующая пленка не фиксировала.

К Рою подошли механик и физик с диаграммами в руках. Механик протянул свою запись:

– Это суммарная сводка команд звездопорта и ответных действий автоматов корабля. Мы искали неверных приказов с планеты, неправильных штурманских реакций.

– Что вы нашли?

– Команды с планеты были правильны, ответные действия на корабле точны.

Рой всмотрелся в схему. Причальная программа совпадала с причаливанием корабля. Все совершалось по предписанию, точно, как и десятки раз до этого, когда не происходило несчастий... Винклер вздохнул. Горестный вздох говорил: абсолютно все, что от нас требовалось, мы сделали. Нет, на тебе – совершилось...

– Мы трижды проделали измерения, – продолжал механик. – Поставили контрольную проверку, потом снова проверяли. Общих выводов я делать не могу, но, по нашим данным, катастрофы не должно было быть. Она произошла, но она остается невозможной.

Рой повернулся к физику:

– Ты тоже не нашел отклонений от нормы, Арман?

Физик пропустил мимо ушей язвительный тон вопроса.

Этот человек, Арман Лалуба, сотрудник лаборатории Роя, большой друг Генриха, сам при случае любил иронизировать. Он был серьезным исследователем, поэтому Рой и взял его с собой.

– Рой, я ничего не понимаю! – Арман возбужденно помахивал записями. Все, что он чувствовал, рельефно выражалось на его смуглом, с негритянскими чертами лице. – Эти чертовские уники показывают черт знает что! Я тоже три раза перепроверял! Ты сказал – отклонений нет? Рой, это слишком мягкая формула!

– Стало быть, и у тебя получается, что корабль не разбивался? Команды с планеты правильны, ответы точны.

– Правильность команд и ответов – не моя сфера. Но я могу гарантировать, что ответы совершались мгновенно. И это непредставимо, Рой! Даже не невероятно – немыслимо! Физика навыворот. Светопреставление крупным планом!

– Спокойней, Арман! – с досадой сказал Рой. – Ответы и должны возникать мгновенно после приема сигнала. Штурманская аппаратура звездолетов работает без инерции – разве не так?

– Мгновенно после принятия сигнала – да! А она срабатывала мгновенно после отправки сигнала!

Арман подал стандартную диаграмму, развернутую по оси времени, – команды, ответы, команды на ответы... Десятки раз рассматривал Рой такие же записи – стандартный штурманский бланк, по нему можно судить и о четкой работе

портов, и о надежности корабельной аппаратуры, и о квалификации диспетчеров и командиров кораблей. В школах эти бланки давались на экзаменах, чтобы по времени, отделяющему сигнал и прием, определить расстояние корабля от порта, скорость затормаживания, вычертить причальную кривую...

Там, в школах, считалось достаточным, если время измерено с точностью до миллисекунды, здесь оно было дано в микросекундах. А узлы на кривых свидетельствовали, что в момент, когда корабль находился в трехстах тысячах километров от Марса и сигналы с планеты должны были приниматься лишь через секунду, они вдруг стали приниматься точно в мгновение отправки. Даже одну миллионную этого интервала восприняла бы контрольная аппаратура, но и одной миллионной не было! Время словно перестало существовать для приемных устройств корабля. И мгновение, когда время словно исчезло, было тем мигом, когда приборы зафиксировали начало катастрофы, когда Генрих вдруг отпрянул от окна. Две минуты четырнадцать секунд летел после этого корабль, пока не врезался в коричневые камни Марса, но этих долгих минут не существовало ни для ходовых механизмов, ни, возможно, уже и для людей, ни даже для бесстрастной фиксирующей пленки на стенках салона...

– Обратите внимание, Рой. – Арман тыкал пальцем то в одну, то в другую точку. – Время перестало существовать лишь для сигналов с планеты, ответные сигналы корабля

принимались точно через положенное для света время. Дикая разноголосица, полное рассогласование!... А в итоге – гибель корабля!

– Ты веришь, что измерения показывают точную картину?

– Кем ты считаешь меня, Рой? Разве можно поверить в то, что противоречит всем законам физики?

– Значит, измерения неверны?

– А вот это – извини! Приборы показывают то, что есть. Сама реальная действительность физически невозможна – вот о чем надо поразмыслить!

Рой размышлял. Сверхсветовые скорости, мгновенная передача сигналов через пространство? Или одностороннее исчезновение времени: вперед – времени нет, назад – время есть? Да, конечно, простых решений не существует. Но разве это решение? Распутать одну локальную загадку путем нагромождения исполинской, поистине вселенской путаницы?

– Мистика какая-то! – Рой возвратил Арману записи. – Призраки в звездолете, глаза без лица... Время вдруг исчезло, сверхсветовые скорости! Фантастическая мелодрама, а не наука, вот что я скажу вам, друзья! Идемте в морг.

5

Рой с тяжелым чувством отошел от стола, где под простынями лежали тела пилотов.

– Вы знали Спенсера? – спросил Рой Винклера. – Он, ка-

жется, летел на Марс по вашему вызову?

– Нет, мы его не знали. Мы запросили астроботаника в связи с расширением марсианской красени. Нас информировали, что посылают на Марс специалиста по внеземной растительности.

Спенсер казался уснувшим, а не умершим. На его теле не было повреждений, на бледно-желтоватое лицо почти не легла восковатость. И опять Роя поразила внешность астроботаника, до тусклости непримечательная: все рядовое, ничто не поражало, даже не привлекало внимания. Но если глаза, наполнявшие видение Генриха и так зловеще отпечатавшиеся на фиксирующей пленке переборок, принадлежали человеку, то они могли быть лишь глазами Спенсера, покоившегося сейчас на столе. И Рой всматривался и всматривался в умершего, с напряжением понуждая себя вообразить, что могло тогда произойти: Спенсер приподнялся, что-то его потрясло, глаза его засверкали... Генрих отпрянул от окна, отшатнулся, закричал... Да, да, Спенсер мог, конечно, ужаснуть впечатлительного брата, но пленка не имеет нервов, однако она тоже запечатлела эти надвигающиеся, расширяющиеся факелы – так их назвать всего точнее.

– Знаете, друг Рой, – с удивлением сказал Винклер, – мне кажется, Спенсер как-то уменьшился. Может быть, я ошибаюсь, но тело вроде было и длинней, и массивней. Неужели оно так быстро ссыхается? И еще одно: гамма-анализаторы показали, что мозг его сильно поврежден – пепел вместо

мозговых клеток...

Рой шагнул к Спенсеру приподнял одно веко, потом другое. Глаза были мертвые, маленькие, грязновато-голубой цвет оболочки размылся, они уже не отражали света, вряд ли они могли при жизни излучать какое-либо сияние. Призраков не существует, это известно каждому ребенку. Но в звездолете был призрак – не мифический фантом, а физический феномен! Вещественное, осязаемое привидение! Воистину простых решений не существовало.

– Я привез контейнеры с нейтральной атмосферой, – сказал Рой. – Распорядитесь, друг, чтоб погибших перенесли в них. Там они будут гарантированы и от ссыхания и от гниения.

6

Рой задремал у постели брата. Его пробудило осторожное прикосновение руки Винклера.

– Операторы закончили обследования. Погибшие перенесены на корабль. Вы можете отдохнуть в нашей гостинице, друг Рой.

– Отдохну на корабле, – пробормотал Рой. – Передайте ребятам, чтобы шли по каютам.

– Вы раскроете наш порт? – с надеждой осведомился Винклер.

– Такой приказ может отдать только Земля. Не забывайте,

что в загадке мы не разобрались.

Винклер со вздохом согласился, что нельзя торопить важные решения, когда возможность повторения трагедии не предотвращена. Рой дружески положил руку на плечо Винклера. Он сочувствовал состоянию начальника звездопорта.

– Между прочим, друг Рой, Земля сегодня устраивает передачу на планеты, – сказал Винклер. – Артемьев вторично выступает с новой художественной программой «Гориллы у космопульта», а Корытин докладывает об удивительных открытиях его лаборатории.

– Я не поклонник творчества Артура Артемьева, – сказал Рой. – Что до Корытина, то у Андрея каждую неделю совершаются удивительные открытия. Не удивительных он не признает.

Рой вышел наружу. В аэробусе порта сидел Арман, уткнувшийся в ленту вычислений. Рой прошел мимо. До звездолета было всего четыре километра. Солнце склонилось к горизонту, оно закатывалось на Марсе раза в два медленней земного, но Рой помнил, что сразу после его исчезновения наступала тьма, а еще до того, как Солнце пропадало за каменистой кромкой неглубокого окоема, небо усеивали звезды, крупные, много ярче земных, безучастно неживые, как и все на этой неживой планете.

Нет, многое изменилось с его прошлого прилета! Сгустившаяся атмосфера породила не только низенькую растительность, но и сумерки. После заката наступила не ночь, а вечер,

он быстро погасал, но был – на севере сгущалась тьма, запад горел, вверху переливались красновато-голубые тона, побежалые цвета проносились по небу, как по нагретому металлу. А сквозь них пробивались звезды, и они тоже уже не казались унылыми огоньками, вкрапленными в однообразную черноту, они обрели жизнь, мерцали, то словно падали, то словно вздымались.

С востока надвигалось темное пятно; оно поглотило Фобос, обволакивало Деймос. Рой остановился – это была настоящая тучка, нечто немыслимое на прежнем Марсе. Он не опускал головы, пока тучка не растаяла. Неяркие, мало похожие на огромную земную Луну, оба спутника висели над равниной, они двигались быстрее земной Луны. Рою казалось, что, оправдывая свои названия, они конвоируют его: Фобос, страх, шествует впереди, Деймос, ужас, крадется за спиной. Но и они потеряли прежнюю неприкрытую голизну и четкость, они двигались в прозрачной дымке, вокруг них, как и возле Луны, простиралось колечко сияния. Рой вспомнил, что именно резкость очертаний, четкая граница яркости спутника и черноты неба поражали его когда-то всего больше. Скоро на Марсе нечему будет поражаться, кроме разве того, что он так быстро превратился из каменистого мертвого шара в удобную космическую гостиницу.

Аэробус нагнал Роя. В салоне сидели операторы, Арман по-прежнему был погружен в бесконечное вычисление. Аэробус, неслышный, как летучая мышь, промчался, не при-

тормаживая; один из операторов махнул рукой, показывая, что надо торопиться. Рой покачал головой. Они спешили на корабль, чтобы, приняв освежающий радиационный душ, насладиться выдумками Артемьева и открытиями Корицина. Рой не захотел ради фантазий Артемьева и каких-то новых находок Корицина поступиться одинокой прогулкой по каменистой саванне, озаренной двумя бегущими по небу спутниками.

Вспоминая потом эту ночь на Марсе, Рой не переставал удивляться, что по странной прихоти не пожелал узнать о событиях, имевших столь важное значение для расследования катастрофы. «Все пошло бы по-иному, прояви я больше любознательности», – упрекал он себя, хотя, конечно, ничто не могло пойти иначе, чем оно уже шло.

Глава вторая

Два трупа одного человека

1

Генрих прислал брату письмо. Полный курс лечения в их санатории могут вынести только очень здоровые люди, он чувствует себя неважно, лечение ему не под силу. Генрих просил забрать его домой. Рой по стереопередатчику пообещал выполнить просьбу, когда врачи дадут гарантию выздоровления, а пока надо терпеть, памятуя, что предки в аналогичных ситуациях утешали себя сентенцией: лечение горше болезни.

Рой постарался, чтоб отповедь звучала бодро, он говорил с улыбкой: раз уж к Генриху вернулось чувство юмора, брат не обидится, что просьба вызывает сочувствие, но остается без исполнения. Был час, когда Генриху по режиму полагалось спать, Рой с намерением выбрал эту пору: Генрих, проснувшись, выслушает Роя со стереоэкрана, а спорить будет не с кем.

В комнату быстро вошел Арман. Медленно ходить он не умел. Когда он испытывал возбуждение, в заставленных приборами лабораториях ему было трудно. А выводили его из

спокойствия, как сам он признавался, только три причины: неудача, успех и отсутствие того или другого.

– Все исполнено, Рой. Твой друг Корытин хотел выставить меня за дверь, но потом сменил гнев на милость. Скоро он будет здесь. Ты прокомментируешь расшифровку сам?

– Мне хватит забот с обхаживанием Андрея. Ты напрасно думаешь, что со мной он будет вежливее. Как с отождествлением мозговых излучений Генриха?

– Нового ничего. Ты неточно представляешь себе масштаб работы, Рой. Перебрать одиннадцать миллиардов волновых характеристик! Даже для сверхскоростной машины это непросто. И я не уверен, что твоя гипотеза правильна. Гениальное озарение все же могло посетить Генриха самостоятельно. А если и вправду кто-то стимулировал видения Генриха, передавая ему собственные открытия, то мы обязательно найдем этого человека... А вот и твой друг. Готовься к буре.

Щуплый, почти на голову ниже Роя, тонконосый, с узким костлявым лицом и большими темными, всегда блестящими глазами, Андрей Корытин не вошел, а ворвался. Бесцеремонность и доброта, грубость и доброжелательность соединялись в нем так неразделимо, что общаться с Андреем могли только люди, стерпевшиеся с его странностями.

Еще в дверях он что-то сердито прокричал, погрозил кулаком, сердечно тряхнул руку Роя, свирепо покосился на Армана, не сел, а рухнул в кресло и заговорил: как обычно, за-

пальчиво, нервно, сливая в одну фразу различные по смыслу предложения.

– Вид у тебя приличный, очень жаль, твой помощник, этот вот, – он ткнул пальцем в Армана, – врал о болезнях, иначе черта с два я пришел бы сюда. Говори же, раз вытащили, терпеть не могу, когда люди таращат глаза, это неуважение, короче, я думаю.

Рой так искренне рассмеялся, что смех остановил Андрея, Рой сказал:

– Ничего ты не думаешь, ты извергаешься! Дай мне спокойные две минуты, об одном прошу.

– Три! – великодушно разрешил Андрей. – В две ты не уложишься, вы с Генрихом дьявольски болтливы, если бы у нас на дворе был допотопный двадцатый век, не цивилизованное двадцать четвертое столетие, вы читали бы ветхие книги, разговаривали бы докладами, раздел первый, глава вторая, параграф четвертый, впрочем, Генрих молчаливей, с ним приятно, он умеет слушать, не в пример тебе, печально, что с ним такое несчастье, я ведь хотел поехать к нему, надо, надо проведать, давай полетим, я как раз свободен, ну, раз, два, встали!..

– Начинаем! – Рой сделал знак Арману.

На стереоэкране вспыхнули картины катастрофы на Марсе. Андрей, уже было вскочивший, снова опустился в кресло. Он был плохим собеседником, но отличным наблюдателем, вдумчивым аналитиком. Разглагольствования об из-

вестном или малозначительном порождали в нем раздражение, в нетерпении он старался скорее выговориться, чтобы отделаться от неинтересной темы. Но, встречаясь с неизвестным и неожиданным, он сосредоточивался, вопросы его делались четкими и сжатыми. На эту особенность Рой и рассчитывал, когда задумал привлечь Андрея к расследованию несчастия на Марсе. Загадочные физические явления, открытые Арманом, не могли не заинтересовать Андрея.

И все-таки главная причина, заставившая Роя пригласить Андрея, была совсем не в том, чтобы пробудить любознательность в друге. Мало ли чем интересовался Андрей в своей научной работе! Он был из тех, кто часто переходит от проблемы к проблеме, он сам о себе говорил с удовольствием: «Застолблю идейку – это мое, а всю жилу до крох выцарапывать из породы найдутся энтузиасты и без меня!» Рою как-то пришлось сотрудничать с Андреем. Воспоминание было не из приятных. Андрей то загорался, то погасал, то на ровных местах удивлял пронзительной остротой мысли, то возмущал безучастностью, поражал равнодушием в тех поворотных линиях исследования, где – Рой твердо в этом был уверен – только, и открывался простор научному увлечению, только и становилась обоснованной придирчивая старательность.

Андрей Корытин обладал удивительной способностью покидать намеченную столбовую дорогу эксперимента ради того, чтобы нырнуть в случайно открывшиеся боковые тропки.

Его захватывала непонятность как таковая, вообще непонятность, а не конкретные загадки конкретных тем. Если бы Рой мог обойтись без Андрея, он и не подумал бы о друге. Но еще в звездолете, на обратном пути с Марса на Землю, Рой понял, что Андрей необходим. Только в лаборатории Корытина можно выяснить загадки аварии. Только там имеется сложнейшая аппаратура для проверок вневременных передач, только там он с Арманом найдет человека, этого самого Корытина, несравненно лучше их разбирающегося в существе явления, породившего аварию. «Ради Андрея нам придется примириться с Андреем», – со вздохом охарактеризовал Арману ситуацию Рой.

– Рассогласование во времени команд с планеты и ответных действий корабля вполне объясняет катастрофу, – прокомментировал Арман картины на экране. – Но такое объяснение, в свою очередь, порождает столько новых и сложных проблем...

Андрей прервал его нетерпеливым взмахом руки:

– Какие новые проблемы – чепуха! Пульсирующее течение времени – вздор, плохо знают физику в вашем институте, никуда время не пропадает! А сверхсветовые скорости – не исключено, я недавно выступил в передаче, надо прислушиваться к новым идеям...

– Мы слушали ваше сообщение на Марсе, – вежливо сказал Арман. – И нас поразило, как близки ваши исследования к явлениям, с которыми столкнулись мы. Я еще на Марсе

сказал об этом Рою.

– Я не слышал твоей передачи, – признался Рой. – Я был подавлен несчастьем с Генрихом, ужасной картиной в море... И что твои работы могут пролить свет на наши загадки, я в тот момент и вообразить...

– ...не мог, знаю, иного и не ожидал: для воображения нужна работа мысли, на это тебя всегда не хватало, Рой, говорю как друг, ты мыслишь слишком медленно, это уже не подходит. Постой, дай сказать! – закричал он на протестующий жест Роя. – Я же пришел не обсуждать тебя, не отвлекать! Катастрофа на Марсе, точно, соприкасается с нашими работами, твой помощник прав, только не прерывай, ненавижу, когда прерывают!.. Мы совершили величайшее открытие века, и от такой формулировки не отрекусь, она самая точная. Я полностью потерял покой с минуты, когда узнал, что дважды два – четыре!

– А ты раньше не подозревал, что дважды два равняется четырем? – Рой знал, о чем говорит Андрей, но не удержался от насмешки.

Андрей был незаурядным математиком. Он легко оперировал рядами Нгоро, сложнее же суперматрицы Петровского были знакомы ему, как сам он утверждал, «не только в лицо, но и за руку».

– Ты грубиян, Рой! Или хочешь, чтобы в потоке света, мирно льющемся из скопления Кентавр-3, а оно на периферии Галактики, почти двадцать тысяч парсеков от Солнца,

сразу преподнесли высшую математику? Спасибо, что и это удалось расшифровать!

И он с восторгом стал описывать, как приняли необыкновенное сообщение из далекого шарового скопления. В тот день испытывали большую шифровальную машину, разлагающую суммарный световой поток на отдельные фотоны. «Самая совершенная станция приема из созданных человечеством!» – воскликнул Андрей. Свет в ней используется как рабочее тело, но не как агент передачи. Для космической связи свет не годится, свет слишком медленно движется. Разумные цивилизации Вселенной разделяют тысячи, сотни тысяч, миллионы светолет. Человечество успеет состариться и погибнуть, а Солнце погаснет, пока от далеких собратьев придет ответ на вопрос, заданный при помощи света на заре развития человечества. Космические цивилизации не выберут в качестве агента связи медленный свет, это заведомо обречет на неудачу попытки знакомства.

– Но ты же сам говоришь... – вставил реплику Рой.

– Не говорю, нет, отвратительная привычка вторгаться с пустячными вопросами в объяснение, слушай и молчи!

Рой больше не задавал вопросов, и Андрей возвратился к большой шифровальной машине. В их лаборатории заранее решили рассматривать все виды электромагнитных излучений, поступающих из космоса, как некий канал, внутри которого распространяется несравненно более быстрый реальный агент межзвездной связи. Для ясности он приведет та-

кой пример. Свет подобен древней железнодорожной колее. Рельсы строились медленно, они продвигались вперед на километры в сутки. Но потом по ним мчались быстрые поезда! Свет тысячелетия, миллионы лет ползет от звезды к звезде, от галактики к галактике. Но, протянувшись от светила к светилу, он становится соединяющей их колеей, по ней можно пустить скоростные агенты, самостоятельно не движущиеся в космосе. И тогда межзвездная связь становится практически мгновенной. Между прочим, волны со сверхсветовой скоростью были открыты еще в двадцатом веке, их тогда называли волнами материи. Тогда же установили, что они не несут энергии, и к ним потеряли интерес. Предки воображали, будто все виды энергии исчерпываются теми, какие им были известны. Их ошибок не повторяли. Любое чудовищное предположение принималось для проверки.

– Чего мы не делали, Рой! Но эффект дало лишь замедление света. Не изображай недоверия, Рой, знаю твои возражения. Да, свет медлителен, но когда? Пересекая космические бездны! А для пленок, на которых его фиксируют, слишком быстр! Частота световых колебаний даже в видимом спектре так велика, что можно все человеческие знания, миллиарды старинных книг, миллионы лент полностью уложить в десятиминутной передаче! А теперь вообрази в том же световом потоке информацию от агента побыстрее, да ведь тогда всю тьму человеческой премудрости впихнешь в микросекундную передачу, как же уловить ее начало, ее конец, не говорю

– расшифровать полностью! Вот и задача: замедлить свет, чтоб открыть в нем сверхсветовые передачи! Мы теперь принимаем излучение по фотону: свечу, зажженную на отдалении Веги, – вот такую яркость. Потом, естественно, усиливание, запись, анализ... И на диаграммах появились позывные первой внеземной цивилизации, уровнем развития, вне сомнения, превосходящей земную, наши звездные соседи, как ты знаешь, пока далеко уступают человеку. Вот эта пульсация: два-два-четыре, два-два-четыре...

Он наконец выговорился и замолчал. Рой спросил с недоверием:

– Запись одноразовая или повторяется?

– Чудак ты, Рой, разве можно быть уверенным, что дважды два – четыре, если бы непрестанно не повторялось!

– И ничего, кроме этой арифметической истины, не принято?

– Пока ничего. Это же позывные, чего еще ждать от позывных!

– Чем ты объясняешь, что основная передача не принята?

Андрей стал терять живость речи:

– Вариантов тысячи, тысячи... А самый вероятный: мало ослабляем свет. Не могут же позывные и основная передача идти в одном темпе, позывные медленнее, только тогда их уловят малочувствительные приборы, не все же цивилизации одинаково развиты! А привлек внимание, дело сделано, на приемных станциях знают, что не просто свет, в нем

информация, надо настраивать аппаратуру на тонкое улавливание!

– Готовите проверку этого предположения?

– Готовим, готовим, эксперимент будет сложным, очень! – Андрей повернулся к Арману: – Вы со мной, собирайтесь-ка поживей!

Арман вопросительно посмотрел на Роя. Рой усмехнулся:

– Так сразу? И зачем он тебе нужен?

– Не мне, ему самому нужно, вам всем, вы же интересуетесь сверхсветовыми передачами, вневременными – так вы их по глупости называете, только в моей лаборатории имеется подходящая аппаратура.

– Мы воспользуемся твоим разрешением, но раньше познакомим тебя с последними болезненными видениями Генриха.

Андрей нетерпеливо дернулся:

– Мне хватит бреда Артемьева, до такой ерунды Генриху все равно не добраться. Не хочешь в лабораторию, летим в санаторий, с радостью погляжу на самого Генриха, нет времени на ваши пустые зрелища.

– Времени, потраченного на эти зрелища, ты не пожалеешь. Дело в том, что в бреду Генрих проделал удивительное математическое вычисление.

На стереоэкране менялись краски и контуры, зрелище походило на картину сумасшедшего художника – мир разноцветных призраков, пространство, пронизанное взрывами, фигуры, напоминающие скорее диаграммы, чем живые существа. Вскоре стало ясно, что это мысли, но закодированные не словами, не чертежами, а как-то по-иному – полупредметное-полусимволическое мышление.

Арман комментировал, тыкая указкой в экран:

– Вот здесь клубится фиолетовое облачко биологических переворотов, расшифровка дала фантастическую картину диковинных существ. Обратите внимание на бурно проносящиеся силуэты, это демоны физических закономерностей; институтской машине понадобилось шесть часов, чтобы разобраться, – рейс до Сириуса она рассчитывает за два часа. Результат: школьная физика, Генрих мог бы сдать курс на четверку, но не больше. Зато те красные змеи, крадущиеся в лиловом тумане, интересней. Приглядитесь к извивам, к гребням на туловищах... Все эти обертоны мозгового излучения после расшифровки оказались ответвлениями ряда Нгоро.

– Расшифровку! – нетерпеливо потребовал Андрей. – Змеи не интересуют, давайте математику!

На стереоэкране засияла математическая структура: пе-

реплетения посылок, разброс следствий, обобщенная конструкция результата. Рой торжественно произнес:

– Ты видишь формулу движения трех тяготеющих тел вокруг общего центра. Кроме того, Генрих вывел формулы для любого числа взаимно тяготеющих тел, но они слишком сложны, чтобы показать на экране. Все вычисления правильны...

Андрей вскочил и возбужденно заходил по комнате.

– Это же значит, что Генрих совершил открытие, которое не удавалось ни Одному математику! – крикнул он, останавливаясь перед Роем. – Он самый выдающийся гений из живших на Земле!

– Никакой он не математик, – с досадой возразил Рой. – Тем более не гений. Мы со всем тщанием проверили математические способности Генриха.

– Ты хочешь сказать...

– Да, именно! Ординар. Генрих так же способен создать новую математику, как репа заколоситься.

Андрей с удивлением смотрел на Роя.

– Но тогда мозг его послужил приемником чужой мыслительной работы, стал полем, на котором разыгралась не им порожденная буря?

– Похоже, так.

– Значит, все-таки есть этот гений, этот математический титан, который добился огромного результата, но сам его не обнарудовал, а навял в мозг твоего брата! Так в чем дело?

Немедля вывести его на свет! Предки выражались еще ярче: «При жизни поставить памятник!»

– Мы ищем, – невесело сказал Рой, – неведомого человека, настроившего свое сознание на мозг Генриха, или непостижимое явление, превращающее рядового жителя Земли в научного исполина... Мы ищем разгадки катастрофы на Марсе, ибо ни я, ни Арман не сомневаемся, что гибель звездолета и чудесные возникновения математических способностей у Генриха – звенья одной таинственной цепи.

3

Генрих, помогая себе палкой, ковылял по аллее парка. Когда прилетели Рой и Андрей, он радостно махнул рукой и заторопился, но ноги еще плохо слушались его. Рой, подбежав, успел поддержать брата. Он упрекнул Генриха:

– Не рано ли в бег? Тебе лежать и лежать.

– Бежать – рано, в остальном я здоров, – весело ответил Генрих.

Он опустился на скамью, Рой и Андрей сели рядом. Андрей молча глядел на друга. Генрих похудел, в нервном, раньше легко менявшем выражение лице появилась восковая оцепенелость, странно противоречившая глазам, по-прежнему живым. Генрих усмехнулся, он знал, как выглядит.

– Когда человек рассыпается на атомы, Андрей, его в ста-

ром виде трудно собрать, — сказал он.

— Да, конечно, конечно, — поспешно согласился Андрей. — Жуткая же была авария, просто жуткая! И столько загадок, столько тайн, столько всякой удивительности!..

И он опять замолчал, не отрывая испуганных глаз от Генриха. И молчание всегда словоохотливого, импульсивно исторгающего из себя слова друга показывало яснее любых слов, каким страшным кажется Генрих. Генриху это даже понравилось. Плохой внешний вид соответствовал ужасу катастрофы. Генрих по-человечески порадовался бы, если б Андрей открыл в нем цветущую внешность: он тяготился болезнью, особенно в те первые дни на Земле, когда, возвращенный в сознание, еще не знал, хорошо ли пойдет выздоровление, и с опаской думал о будущем.

Сейчас каждая клетка тела ощущала возвращение здоровья, будущее было светло, скверный внешний вид уже не соответствовал внутреннему состоянию; он лишь свидетельствовал о глубине той ямы, из которой Генрих выбрался. Генрих, с удивлением поймав себя на этой мысли, ощутил удовольствие, что так напугал Андрея.

И он сказал шутливо:

— Насчет тайн и удивительностей промолчу. В том, что считать удивительностью, а что стандартом, ты знаток выше нас всех. Но так утомительно почти месяц бесцельно валяться на постели, когда другие...

Андрею почудилась в ответе Генриха не шутка, а жалоба,

он запротестовал, чтобы не дать Генриху углубиться в жалость к себе, – жалость плохой помощник выздоровления:

– Не надо, Генрих, какие бесцельности! Ты столько во время болезни сотворил поражающего воображение!..

Генрих грустно усмехнулся:

– Ты насчет моего превращения в великого математика? Это уже прошло. Поболел гениальностью и выкарабкался в нормальность.

– Все-таки это твои открытия, – пробормотал Андрей.

– Вряд ли. Каким-то образом мой больной мозг стал приемником чужих сокровений, к тому же плохим приемником: сразу же выплеснул их наружу. А тот, кто реально генерирует великие мысли, носит их в себе. Так ведь, Рой?

Рой сдержанно сказал:

– Пока ты можешь еще претендовать на свое авторство.

– Это было бы слишком простое решение, Рой. А ты ведь сам доказывал, что самое бесплодное дело – искать простых решений. Трудно и вообразить себе, Андрей, как Рой мучил меня вопросами, расспросами, допросами и повторными запросами с той первой минуты, когда я стал способен на что-либо отвечать.

– А каков результат? – осторожно спросил Андрей. – Я имею в виду...

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Моя память обрывается на моменте, когда Спенсер стал приподниматься на диване. Что было потом, даже и не представляю себе.

Андрей взглядом спросил Роя, не повредит ли Генриху дальнейший разговор об аварии. Рой, отвернувшись, не поймал взгляда Андрея. Поколебавшись, Андрей продолжал ставить новые вопросы, лишь постарался говорить помедленней и наблюдал при этом за лицом Генриха, чтобы прервать выпрашивания, если при каком-либо воспоминании оно болезненно исказится. Но Генрих отвечал спокойно, то пожимал плечами, то недоуменно улыбался, то задумчиво смотрел куда-то вдаль – такова была его обычная манера разговора. Андрей понемногу успокаивался, Генрих был прежним, несмотря на свой новый страшный вид.

– Твое сознание, однако, сохранило многие картины, Генрих?

– Знаю. Чьи-то дикие глаза. Они отпечатались в моем мозгу, а не в сознании. Картинки любопытные, я их сейчас с интересом рассматриваю на экране, но ощущение такое, будто ко мне они не имеют касательства.

– Что ты можешь сказать о Спенсере?

– То же, что об экипаже: практически ничего. Мы встречались в столовой и салоне, изредка перекидывались словами.

– Полет проходил нормально?

– Точно по графику. Если бы рейс закончился благополучно, я сказал бы – удивительно скучный перелет.

Рой, запрокинув голову, рассеянно глядел на листву. Лето переламывалось в осень – та особая пора, когда в воздухе

глухо и сонно, листья почти не шелестят, птицы не перекликаются. В парке было пусто, выздоравливающие, видимо, отдыхали в своих комнатах. Андрей обвел глазами тронутую желтизной зелень и с удивлением сказал:

– Знаешь, Генрих, хороший же месяц сентябрь, я его всегда люблю, а тут забыл, какие погоды, мне казалось – еще весна. Нет, до чего же хорошо!

Насмешливая улыбка чуть обозначалась на лице Генриха. Улыбался он по-новому – сдержанней и суше.

– Это у нас с Роем тоже бывало – забыть, какое время на дворе. Расскажи о своих достижениях, Андрей. В эфире поминают вашу лабораторию больше, чем все другие. Значит, вы открыли новую галактическую цивилизацию? Поразительно, поразительно!

Андрей о своих работах всегда распространялся с охотой, а сейчас хотелось и отвлечь Генриха. И он знал, как интересовался и раньше Генрих всем, что совершалось в его лаборатории.

– Не новую – единственную. Внеземных цивилизаций немало, но цивилизация на Кентавре намного превосходит человеческую: еще не доступные нам методы связи, все на сверхсветовой скорости...

– Не так быстро, – попросил Генрих. – Прежней скорости восприятия я еще не восстановил.

Как ни был увлечен своим рассказом Андрей, он заметил, что Рой подает осторожные знаки. Вскочив со скамьи, Ан-

дрей оборвал себя на полужизне:

– Остальное узнаешь, когда выйдешь, к тому времени накопим новые наблюдения. Выздоровливай! Выздоровливай!

Генрих остался в парке. Рой шел не торопясь, пока Генрих мог их видеть, потом убыстрил шаг. Андрей недовольно сказал:

– Дикая же спешка! Разве могли повредить мои объяснения, не понимаю, почему не дал досказать, он же заинтересовался...

– Скорей, скорей! – Рой уже не шел, а бежал к авиетке, оставленной у входа. – Я получил мыслеграмму от Армана, что уловлены мозговые излучения такой же характеристики, что у Генриха во время болезни.

– Человек? Машина?

– Человек. И находится в Столице.

4

Когда Арман волновался, его смуглое лицо не краснело, а темнело. Сейчас оно казалось угольно-черным. Арман что-то раздраженно выкрикнул, увидев Роя с Андреем. Рой догадался, что Арман ругается: Арман гордился, что знает старинные клятвы, заклятья и проклятья, заговоры и наговоры; он часто, когда опыты не шли, отводил душу в странных восклицаниях. Рой считал, что так облегчать себя все же лучше, чем швырять приборы, как иногда делал вспыльчивый

Генрих.

– Я же просил, просил поскорей! Неужели потом нельзя было наговориться?

– Я не хотел при Генрихе вынимать передатчик из кармана и не все отчетливо слышал. Значит, нашли?

– Не нашли, а потеряли! Засекли, стали пеленговать – вдруг замолк!

Прерывая себя раздраженными восклицаниями, Арман рассказал, что институтская МУМ – малая универсальная машина – приняла излучение той же сумбурной характеристики, что и больные видения Генриха. Электронный медик санатория информировал, что Генрих мирно беседует с другом и братом в парке и что его мозг излучает на спокойных частотах. И в этот момент излучения оборвались, генерирующий их мозг выключился так внезапно, словно погасили лампочку.

Ничего существенного в уловленных излучениях не было, обычная мозговая работа; возможно, человек читал книгу, или любовался телезрелищем, или с кем-то разговаривал. Но что характеристика совпадает с мозговыми записями Генриха, Рой увидел, едва взглянул на перепутанные кривые. Он часто с волнением, с тревогой, с восхищением вглядывался в точно такие же кривые – странные линии, сумятица, судорожные выплески пик, стремительность падений, одни были вызваны тяжелой болезнью, другие свидетельствовали о пронзительных озарениях...

– Если торопишься к себе, я не держу, – сказал Рой Андрею, с любопытством рассматривавшему изображения. – Завтра продолжим беседу.

Рой постарался, чтобы приглашение оставить их прозвучало достаточно убедительно. С Андреем можно было беседовать о его открытиях, но не налаживать погоню за каким-то незнакомцем, мыслительная работа которого так странно повторила болезненные видения Генриха. В сыщики Андрей не годился. Но он был иного мнения о себе. Бледноватое лицо Андрея побагровело.

– Ну нет, на самом интересном месте, вот еще что придумал – завтра! Будь покоен, не помешаю, еще похвалишь!

Рой махнул рукой:

– Тогда сиди и молчи! Будем педантично рассматривать каждый вариант, Арман. Первая возможность, по-моему...

– Да. Излучающий мозг удалился из зоны, где могут захватить его работу.

– Конкретней – источник излучений улетел из Столицы.

– Отпадает. По мере удаления излучение ослабевало бы постепенно, а кривые обрываются круто.

– Вторая: человек заснул.

– Те же возражения. Когда человек засыпает, мозг еще некоторое время работает, ты это знаешь не хуже меня.

– Смерть?

– Маловероятно. Был бы взрыв, перестройка всей картины.

– Сумбура хватает.

– Нормального сумбура, я бы так сказал. Необычная картина, которая непрерывно продолжается. Смерть все-таки обрыв непрерывности, а не ее продолжение.

– Больше я не могу ничего придумать, – сказал Рой.

– Я придумал! – воскликнул Андрей. – Есть еще возможность, теперь слушай меня, я самым простым и коротким...

– Да, пожалуйста, коротким.

– Переключился на иную мозговую генерацию, вот и все! Попробней хочешь?

Рой согласился выслушать подробней. Андрей настаивал, что от человека, умеющего переадресовать свою умственную деятельность другому, да еще внедрить в чужой мозг способность на величайшие открытия, можно ожидать и умения менять свои мозговые излучения. Правда, с такими явлениями пока не сталкивались, считается, что каждый мыслит в характеристике, созданной генами, теперь удастся углубить наши знания, только и всего.

– Хорошенькое «только и всего»! – с досадой сказал Рой. – Был дураком, стал гением, снова обратился в дурака – вот чему равноценны твои «только и всего»!

– А что? Каждое невероятное явление требует своего объяснения.

– Но вероятного, Андрей! Объяснить – значит свести странное явление к нормальным причинам. Если принять на минуту твою версию, то это значит: кто-то в Столице про-

генерировал в мозговой характеристике Генриха и, сменив свой мозг – иначе я это и назвать не могу, – выпал из нашего наблюдения.

– Есть возможность проверить, был ли раньше когда-либо человек с такой характеристикой среди жителей Столицы, – сказал Арман. – Наша машина сейчас изучает мозговые паспорта, хранящиеся в архиве.

Он набрал вызов МУМ и покачал головой, получив ответ.

– Рой, машина дает справку, что среди постоянного населения города нет ни одного, кто бы генерировал в этой характеристике. Она проверила мыслительную работу нескольких миллионов человек с момента рождения – отождествление исключено!

– А переменное население? – спросил Рой. – Командировочные, гости, туристы?..

– Проверка их сложнее, но делается и она. Машина изучает архивы гостиниц.

– Мы с Андреем полетим в гостиничный городок, – Рой сделал знак Андрею, – а ты передашь нам ответ по мыслепроводу.

Андрей, опередив Роя, первым вскочил в авиетку и вынесся наверх. Рой лишь поднимался над деревьями институтского парка, когда Корытин уже парил над крышами небоскребов Большого Кольца, нетерпеливо поджидая там замешкавшегося друга. Андрей не только показывал усердие, но и захватывал инициативу. Это, впрочем, не показалось

Рою неожиданным: стремление всегда первенствовать было неистребимо в Андрее; он не желал выделяться, но просто не мог не выделяться, вторые роли были не для него, за какое бы дело он ни брался. И, увидев, что Рой наконец выбрался на высоту, Андрей сердито махнул рукой, чтобы он поторопился, и умчался вперед.

Они проносились над зелеными массивами, над улицами и проспектами, внизу было много пешеходов, еще больше людей носилось в воздухе. Ни один из прогуливающихся или летящих не мог быть тем, кого они разыскивали, перемена характеристики мозга – операция невыполнимая вообще, тем более в какие-то считанные минуты. Рой понимал это, но несуразная мысль все возвращалась.

– Крепко же в меня засели невероятные вероятности Андрея! – пробормотал Рой, усмехнувшись.

Андрей, летевший метров на двести впереди, услышал в передатчике свое имя и спросил, чего Рой хочет. В это время Арман дважды по мыслепроводу выкрикнул: «Сектор шестой, корпус первый, двадцать девятый этаж, номер сто шестьдесят первый!» Рой продублировал Андрею сообщение Армана.

– Высаживаемся на причальном балконе тридцатого этажа! – крикнул Андрей.

Гостиничный городок, район самых высоких зданий Столицы, располагался на острове, возведенном в центре Восточного озера. Островок сам по себе был невелик, всего

один квадратный километр, но, заселенный полукилометровой высоты домами, с воздуха казался собранием гигантских глыб, взметнувшихся над сравнительно невысоким пейзажем, – жилые дома вокруг Восточного озера не превышали сорока этажей, лишь на кольцевых проспектах были повыше. Шесть секторов разделяли гостиничный городок на равные участки, в центре каждого возвышался двухсотэтажный корпус, номер его в каждом секторе был первым – шесть гигантских малиново-белых факелов обозначали своим сиянием секторы. Особенно красочным зрелище было в ночи, когда верхние этажи, казалось, пропадали среди звезд.

К одному из высотных корпусов и устремил свою авиетку Андрей. Он подлетел к двухсотому этажу, но не остановился на его посадочной площадке, а заскользил вниз. Каждый десятый этаж опоясывал гигантский балкон, на третьем снизу балконе Андрей остановился. Рой добавил скорости и догнал Андрея, когда тот выскакивал из авиетки. Андрей, прыгая через три ступеньки, сбежал на двадцать девятый этаж и помчался по коридору к диспетчеру этажа. Диспетчер – металлический щит, на нем вспыхивали разноцветные глазки номеров и красные цифры оказываемых услуг, – выпечатал на приемном окошке лицо миловидной женщины, отвечал приветливым женским голосом: гостиничные автоматы последней модели были устроены так, что с мужчинами разговаривали в женском образе, а с женщинами – в мужском, по утверждению конструкторов, это предохраняло от многих

раздражений.

– Федор Ромуальд Гаррисон, да, Федор Ромуальд Гаррисон, – учтиво говорил диспетчер.

– С ума сойти! – восторженно заорал Андрей подходившему Рою. – Знаешь, кто живет в номере, мой сотрудник Федя Гаррисон, паренек с Плутона, чудеснейший мастер по многомерной внеалгоритмике!.. Голубка, вы не ошиблись, двадцати семи лет, роста двести двенадцать, глаза голубые, холост, специалист по эн-мерным непорядкам?

Автомат подтверждал все, что выкрикивал Андрей:

– Да, с Плутона, двадцать семь лет, роста двести двенадцать, восемьдесят девять килограммов, холостой.

– Почему же он не в лаборатории? – вдруг возмутился Андрей. – Черт знает что, достаточно разок не явиться, все сотрудники разбегаются, он, правда, неделю хворал, но ведь поправился, неужели опять?.. А вы не ошиблись, милая, он у себя?

– Он выходил утром, постоял в коридоре и возвратился.

– Задам я ему, пошлите-ка вызов!

– Гаррисон не отвечает на вызовы, друг.

– Как не отвечает? Дайте-ка снова!

– Не надо! – Рой положил на приемный столик жетон, свое удостоверение: оно выдавалось лишь тем, кто имел право вести розыск в Столице. Жетон провалился в недра диспетчера и вновь вернулся.

– Слушаю, друг! – сказал автомат совсем другим голосом,

такие голоса называли «информационными», в отличие от «обслуживающих».

– Ключ к Гаррисону!

На столике появился ключ, его схватил Андрей.

– Я побегу вперед!

Он мигом исчез за поворотом коридора.

Когда Рой подошел к номеру, оттуда выскочил Андрей, он что-то силился выговорить и не мог, Рой схватил друга за руку:

– Да что там? Что? Не молчи же!

– Доктора! – пролепетал Андрей. – Федя... Федя!..

Рой вбежал в номер, повернул на стене рычажок медицинского вызова – Андрей в ошеломлении забыл о нем, – огляделся. На кровати лежал прикрытый простыней человек, на столике лежала записка, Рой прочитал: «Андрей, простите меня, не могу иначе!»

– Это и вправду твой сотрудник Федор Ромуальд Гаррисон? – хмуро проговорил Рой.

Андрей с трудом прошептал:

– Он, он! Такая страшная смерть!

– Мертв?

– Пустил себе разряд в ухо. Из лабораторного разрядника, восемь тысяч вольт!.. Мгновенная смерть, абсолютно мгновенная... А твой Арман говорит – смерть маловероятна...

– Прикрыл его ты, Андрей?

– Я, я! Такой ужасный вид!.. Я набросил простыню и по-

бежал.

Рой отдернул простыню. На кровати неестественно скорчился человек среднего роста. Рой сразу узнал его. Он десятки раз рассматривал этого человека, вспоминал его, размышлял о нем...

Андрей в испуге крикнул:

– Что с тобой? Как ты побледнел!

Рой опустился на диван, трясущиеся ноги не держали. С трудом выговорил:

– Андрей! Повтори – кто он?

– Федор Ромуальд Гаррисон! Разве не ясно?..

– Ты уверен? Отвечай, уверен?

– Абсолютно! Мне ли не знать Федю! Да и записка мне, разве не видишь? Он, он!

Дрожь в ногах все нарастала. Рой медленно выговорил:

– Человек этот – Василий Арчибальд Спенсер, тело которого я привез с Марса.

В номер вбежал врач с двумя санитарями.

Глава третья

Обезьянка Олли

1

Сначала надо было совершить дела, не допускавшие промедления: наскоро объяснить врачу, как они очутились здесь и что увидели в номере; вызвать в гостиницу Армана; прикрикнуть на Андрея, снова впавшего в отчаяние: этот человек, несмотря на энтузиазм, с каким вызвался в помощники, решительно не годился в следователи; объяснить Арману – все с той же косноязычной торопливостью, – что они опоздали к Гаррисону и тот успел сам распорядиться собой; попросить врача отправить умершего не в общий морг, а в институтский, а там поместить рядом с трупом Спенсера, ибо потребуется отождествление обоих погибших, а когда врач с санитарями вынесут Гаррисона в коридор и уложат в санитарный автокар, имевшийся на каждом этаже, поспешить за ними и сопровождать на авиетке медицинский аэробус.

– Можешь идти с нами, – сказал Рой Андрею, в полной прострации следившему, как выносят из номера тело его помощника. – Но лучше вернись домой и прими радиационный душ.

Арман, взглянув на Гаррисона, тоже сразу признал в нем Спенсера. Это еще больше расстроило Андрея. Он негодуяюще воскликнул, что не может, как бы ему это ни доказывали, допустить, что один человек существует в двух телах. Арман хмуρο возразил:

– Не существует, а погибает в двух обличьях. Андрей не нашел разницы.

– Послушай, ты пойми меня, – почти умоляюще говорил Андрей Рою, шагавшему по коридору за медиками. – Я уйду к себе, ты прав, зрелище не для меня, вы расследуете аварии и катастрофы, там везде мертвые, вы привыкли, а у меня звезды, это же совсем другое, пойми! Но как ты можешь говорить, что это не Федя, мне ли не знать Федю, это же мой лучший сотрудник, моя правая рука, артистическое понимание непорядков и сумбура, виднейший исследователь антилогик, как он может стать другим человеком, как, я тебя спрашиваю!

– Могу сказать одно: он, видимо, захотел свое артистическое понимание нелогичностей претворить в жизнь, – хмуρο ответил Рой. – Ибо, согласен с тобой, нет человеческой логики в том, что один является в двух ипостасях, как говорили в старину. – Он с иронией посмотрел на Андрея. – Но для специалиста в антилогике, для теоретика сумасбродства природы все невозможное – возможно. Ибо в любом безумии есть система, и для самих безумцев она в том, что безумие – норма.

– Они близнецы! – с горячностью объявил Андрей. – Уверю тебя, Спенсер и Гаррисон – близнецы, вот ты увидишь сам, когда прилетишь в морг, не сомневаюсь ни минуты, категорически потребуй, чтобы твой Арман немедленно запросил у Справочной...

– У меня нет охоты обижать своих сотрудников. Уверен, что Арман и без моих приказов уже послал Справочной все нужные запросы.

Когда Рой и Андрей вышли на балкон тридцатого этажа, от него отваливал медицинский аэробус. Вслед за медиками помчалась авиетка Армана. Андрей внезапно переменил, решение. Он должен собственными глазами посмотреть на таинственного Спенсера, должен сравнить его с Федей Гаррисоном. Вскочив в авиетку, он помчался за Арманом.

Рой не торопился в морг. Сейчас там укладывают один загадочный труп рядом с другим загадочным трупом. Специалисты уже вызваны. Им нужно время, чтобы сформулировать свое заключение, он не хотел им мешать. Он будет думать. Выпало несколько спокойных минут: не надо ничего объяснять, командовать, принимать срочные решения, можно размышлять, а не действовать.

Итак, Гаррисон и Спенсер... Возможно, они и вправду близнецы, но маловероятно – ведь даже у близнецов не совпадают полностью мозговые излучения. И оба настолько схожи, что их не различить. И оба кончили трагически. И оба связаны с Генрихом – каждый по-особому, но связаны. Ген-

рих и Спенсер жертвы аварии, Гаррисон через Спенсера и Генриха, с которыми связан – с каждым по-особому, – тоже, не исключено, к ней причастен. Они оба, Спенсер и Гаррисон, – звенья какой-то единой цепи. Зловещая цепь! Кто управляет ее движением? Чья злая рука вершила судьбами этих двух несчастных?

Ни на один из вопросов ответа не было. А Рой и не жаждал немедленного ответа. Еще на Марсе он убедил себя простых решений не ждать. Надо искать решений неожиданных, решений удивительных, таких, чтобы о них сказали: «Непостижимо!» Лишь они соответствовали сложности явления. Рой мрачно усмехнулся. Хорошо бы познакомиться с Гаррисоновой разработкой антилогики; возможно, там и вправду найдется что-либо более подходящее к случаю, чем в их логических построениях. Он иронизировал на эту тему с Андреем, но ограничивается ли дело одной иронией? А если природа сама иронизирует над собой? Рой покачал головой. Он заходит слишком далеко. В любом безумии имеется не только система, но и мера. А значит, и законы, управляющие безумием.

Одно несомненно: еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой трудной проблемой. Были и раньше глубокие тайны, были запутанные загадки, были ужасные события, но все они лежали в границах реальной действительности: результат трагического столкновения известных сил и факторов, драматический плод нарушений режимов и пра-

вил, вторжение стихий в планомерную деятельность. Много, много было странного и страшного, что на спокойном языке отчетов называется «происшествиями». И гибель космических кораблей при посадках и взлетах и в рейсах, и гибель людей на дальних планетах, и гибель людей на Земле. И все то было – иное! Неудачно сложившаяся комбинация естественных причин, естественная необычность, так бы он сказал. Но два трупа одного человека, внезапное превращение обычного человека в гения и снова «падение в обычность» – где тут нормальные причины?

– Сверхъестественно, как говорили предки, когда чего-либо не понимали, – пробормотал Рой. – Ладно, ладно, не будем преждевременно делать широкие обобщения.

Он приземлил авиетку у служебного входа в университетскую клинику, отсюда был самый короткий путь в морг, помещавшийся в десятом подземном этаже.

На залитых светом столах лежали два тела, над одним склонялись эксперты. Среди них Рой увидел и Андрея с Арманом.

Андрей поспешил к Рою.

– Ужас, Рой! – воскликнул Андрей, нервно сжимая руки. – Ты прав, они не близнецы, даже не родственники, но такое удивительное сходство, такое невозможное сходство!

Рой вопросительно посмотрел на приблизившегося Армана. Арман молча подал ленту с записью ответа Справочной. Спенсер родился на Земле в 320 году нового летосчисления,

в весенний день 9 мая. Гаррисон, уроженец Плутона, на той далекой планете провел детство и кончил школу, впервые на Землю попал, лишь когда подошли годы поступать в университет. Но различие между Гаррисоном и Спенсером этим и исчерпывалось, если не считать еще и различия профессий: один – математик, другой – астроботаник. Все остальное совпадало: рост, вес, цвет волос и глаз, внешний вид. Справочная педантично отмечала даже родинки на одних и тех же местах на шее и на спине. И хотя происходили они от разных родителей, родились в один и тот же день одного и того же года.

Рой молча вглядывался в запись, смутно ощущая, что держит в руках разгадку тайны. Но разгадка была закодирована непонятными символами, их надо было в свою очередь разгадывать.

Арман сказал:

– Различие между ними есть, но не физическое. Разные родители, разные места рождения, имена, образование. В общем, биографии непохожи, в остальном – полное совпадение!

Рой приблизился к группе медиков. Полного совпадения в обличье двух умерших все же не было. Спенсер был меньше Гаррисона. Это было настолько явно, что Рой обратился к справке. Там стояло: «Рост у обоих одинаков – 2 метра 12 сантиметров». Но Спенсер был меньше по крайней мере на десять сантиметров.

Один из медиков, Кон Араки, заметил, с каким недоумением переводит Рой взгляд с мертвых на запись и снова на них.

– Нас это тоже удивляет, – сказал Араки. – Спенсер мумифицируется, хотя и помещен в нейтральную атмосферу. (Тело Спенсера покоилось в прозрачном саркофаге.) Мы не ожидали, что он с такой интенсивностью будет терять вес. Вероятно, это связано с неизвестными нам особенностями его гибели.

Рой вспомнил, что еще на Марсе начальника астропорта Винклера поразило быстрое ссыхание трупа. Очевидно, и специальная атмосфера, обрывающая все реакции в клетках мертвого тела, в этом случае оказалась малоэффективной: новая странность, доказывающая необычность этого трагического происшествия. Рой сказал медику:

– Я, как и вы, не знаю, почему труп так быстро теряет вес, но мне это представляется очень важным для расследования аварии. Нельзя ли сохранить тела в таком виде, как они есть? Особенно это относится к Гаррисону.

– Попробуем. У нас имеются и более сильные консервирующие средства, чем нейтрализующая атмосфера.

– Оживление Гаррисона решительно невозможно? – на всякий случай уточнил Рой.

– Решительно, друг Рой! Тело практически не повреждено, но мозга не существует, все мозговые клетки переплавлены. Мы пришлем вам подробный доклад дня через два.

Рой кивнул головой и отошел. Арман сказал, что останется с медиками, пока они не закончат исследование трупа. Андрей бросил прощальный взгляд на Гаррисона и догнал Роя. Они молча вышли в сад. Рой ласково положил руку на плечо Андрея:

– От всей души сочувствую тебе – потерял друга, хорошего работника...

Нервное лицо Андрея исказилось от боли.

– Нет, Рой, при чем здесь сочувствие мне, все куда страшнее! Я знаешь о чем думаю? Это ведь самоубийство, а почему, нет, объясни, зачем понадобилось Феде умирать, ведь не было причин, не было, не было, я-то ведь хорошо знал Федю!

Рой сумрачно возразил:

– Были причины, и, вероятно, важные. Боюсь, Гаррисон жил какой-то двойной жизнью, а ты об этом и не подозревал.

Андрей вызвал авиетку, сказал, что ждет Роя с Арманом к себе, и взмыл ввысь.

Рой вышел на радиальную улицу, завернул с нее на кольцевой проспект, выбрал тенистое местечко. Здесь было хорошо сидеть и размышлять. Он откинулся на спинку скамейки, но не размышлял, а отдыхал. Высоко над деревьями проносились одиночные авиетки с жителями, торопившимися по своим делам, важно проплывали туристические аэробусы, мчались спортивные машины. В воздухе была толчея, сумятица на всех разрешенных для движения уровнях. Такая же сумятица открылась бы, вероятно, и на подземных горизон-

тах, если бы удалось снять верхний покров и разом увидеть все эти «минусовые горизонты». А на Земле, на видимой ее поверхности, была удивительная, хватающая за душу тишь.

Рой сперва вяло удивился тишине – низовой ветер на этот день, видимо, разрешен не был, ни один листочек на липах и кленах не подрагивал, даже всегда беспокойные тополя не шелестели листвой, и густая трава на газонах высилась надменно, – потом с удовлетворением подумал, что человечество, все дальше погружаясь в недра, все выше забираясь в воздух, оставило наконец поверхность если и не в покое, то для покоя. Сегодня первый день бабьего лета, вспомнил Рой. Инженеры Управления земной оси хорошо разбирались в значениях древних слов; они и оттенки давно изжившего себя словаря педантично переводили на язык современных метеорологических понятий, вдохновенно переводили, поправлял он себя с удивлением: до него вдруг дошла прелесть дня.

Солнце выбралось за край высотного корпуса гостиничного городка, оно шествовало по опускающейся небесной кривой, жаркое, томное, упоенное собой. Утром шел дождь, дождь всегда начинал этот знаменательный день, первый день бабьего лета. Бабье лето начиналось со свежести, свежесть лишь к полудню превращалась в жаркое дыхание, а сейчас уже шло к вечеру. Могучие соки земли струились в жилах трав и деревьев, исторгались наружу пьянящими ароматами. Рой вдыхал, как пил, дурманящий дух земли. Это

было воистину бабье лето – пора созревания плодов. Он закрыл глаза, голова немного кружилась, мысли путались, уже не было мыслей, было отрешение от дел, разрешение от забот, то облегчение от тягот, с какого начинается истинный покой, – ощущение завершенности.

– Хорошо, ах, до чего же хорошо! – пробормотал он.

И когда слово «хорошо» дошло до сознания и больно укололо своей несвоевременностью и напомнило, что до хорошего далеко, ничего нет пока хорошего, кроме вот этого великолепного дня, созданного не столько вольной прихотью природы, сколько запланированным старанием метеорологов, он, повысив голос, упрямо повторил себе, как заклинание:

– Хорошо, просто невозможно, как хорошо!

2

Генрих переходил от стенда к стенду, от прибора к прибору, до каждого с наслаждением дотрагивался, с нежностью провел рукой по схеме переключений, дружески похлопал по щиту с командными аппаратами. Остановившись в углу, он обвел растроганными глазами лабораторию.

– Здорово же ты изголодался по работе, – заметил Рой.

Генрих присел около брата.

– Ужасно, Рой! Я ведь уже потерял веру, что возвращусь к нормальной жизни.

– Медики не считали тебя безнадежным ни на Марсе, ни на Земле.

– Я сам считал себя безнадежным. Чем ты нагрузишь меня? Чем вы сейчас занимаетесь?

– Легче сказать, чем мы не занимаемся! Лаборатория особых космических проблем, а под особыми все больше понимаются несчастья в космосе... Что до меня с Арманом, то мы заняты тобой. Отчего ты чуть не погиб?..

– И для чего выздоровел, да? – Генрих нахмурился. – Вряд ли я буду по этой проблеме хорошим тебе помощником. Древние говорили, что познать самого себя – самая трудная штука.

– Они же говорили, что самопознание – предпосылка всякого иного знания. Впрочем, ни минуты не сомневался, что ты выберешь тему сам, и обязательно не ту, какую тебе порекомендуют.

Генрих засмеялся. У него и раньше были обычны быстрые переходы от дурного настроения к веселью и от веселья к хмурости. После болезни внезапная смена настроений стала резче. Обдумывая, как держаться с братом, Рой предписал себе подтрунивать, но не противоречить. Не встречая отпора, Генрих легко «перегорал», эта черта в нем сохранилась.

– Но если деятельно участвовать в расследовании мне непосильно, то интересоваться им буду, – предупредил Генрих.

– Это не противопоказано, – согласился Рой.

- В этой связи у меня много вопросов к тебе.
- Задавай их.
- Доказано ли, что Спенсер и Гаррисон одно лицо?
- Доказано, что их нельзя различить физически.
- Как-то они все-таки различаются?
- Биографически. Анкетно, как говорили наши предки.
- А как понимать физическое тождество?
- Буквально. Совершенные близнецы, хотя и от разных родителей. Высокомудрая МУМ едва не впала в электронное безумие при обработке их данных, на третьем запросе она уже путала их.

Генрих, помолчав немного, заговорил опять:

- Зачем летел Спенсер на Марс? Ты объяснял, но я забыл.
- Изучить энергию марсианской растительности. Физики считали тему важной.
- А его двойник? Они не были знакомы? Разумеется, если не исходить из посылки, что оба – одно существо.
- Они сейчас лежат рядышком, повергая своим сходством в трепет студентов-медиков. Наличие двух тел доказывает, что существа они разные.
- Что значит предсмертная записка Гаррисона?
- Этого никто не знает.
- Это может знать Андрей, записка адресована ему.
- Он и понятия не имеет, что подразумевал Гаррисон.

Генрих опять помолчал, размышляя.

- Доказана ли сверхсветовая скорость команд Марса?

Рой пожал плечами.

– Я бы сказал осторожней: не доказано, что сигналы распространялись со скоростью света. Мгновенность передачи остается пока единственным объяснением загадки.

– Но это противоречит законам мироздания, Рой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.